

Полиграфическое единство ранней феноменологии

Михайлов Игорь Анатольевич

Институт философии РАН, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр.1

✉ mihayl.igor@rambler.ru

[Статья из рубрики "Феноменология"](#)

Аннотация.

В статье исследуется становление немецкой феноменологии как коллективной исследовательской программы. Подробно рассматривается роль М. Шелера в становлении публикационной программы феноменологов: его усилия в популяризации феноменологии и в ответе критикам феноменологии. Показано также, что постановка издателями Ежегодника наиболее общих задач издания фактически совпадает с задачами, сформулированными еще в 1907-м году одним из учителей Гуссерля, К. Штумпфом: необходимо создать мир идей, охватывающий науки о природе и науки о духе, причем этот мир «силой убеждения» должен подчинить себе широчайшие круги исследователей. В статье использованы методы и методология историко-философской реконструкции, понятийного анализа, подход с позиций социологии знания. Новизна исследования заключается в анализе материалов публикаций первого периодического издания, объединившего исследователей геттингенского и мюнхенского кругов, «Ежегодника по философии и феноменологическим исследованиям». Автор показывает, что вышеозначенные формулировки предвосхищают как гуссерлевскую идею региональных онтологий, так и выраженное в «Философии как строгой науке» (1911) представление о роли философии в культуре. С первых лет своего существования «Ежегодник» становится важным органом формирующегося научного сообщества, достаточно быстро он становится ареной борьбы за влияние.

Ключевые слова: Феноменология, феноменологическое движение, наука, Гуссерль, Шелер, Хайдеггер, Штумпф, культура, методология, психология

DOI:

10.25136/2409-8728.2018.12.28407

Дата направления в редакцию:

16-12-2018

Дата рецензирования:

17-12-2018

Дата публикации:

25-12-2018

Феноменологию – как, наверное, и любое другое направление современной философии – мы можем рассматривать в различных аспектах. Мы можем говорить о ней как научной программе, т.е. философском течении, имеющем определенные принципы и основания, более или менее ясно очерченные цели, которые ставят перед собой симпатизирующие ей исследователи. Но можем говорить о ней также и как об «организационном проекте» – и в этом случае может оказаться, что философское направление проявит определенные черты, характерные не столько для классических систем прошлого, сколько для массовых движений современности. В этом втором случае нам предстоит рассмотреть, как происходило формирование феноменологического сообщества. При этом нам придется иметь в виду одновременно две проблемы, историческую и систематическую. Первая заключается в выяснении, как начинает оформляться нечто, что впоследствии будут называть «феноменологией»? Вторая предполагает ответ на вопрос: что объединяет исследователей, независимо друг от друга начинающих использовать этот термин для обозначения своей философии? Ответ на первый может оказаться значительно более простым. Если отвлечься от того факта, что феноменология как исследовательская методика на рубеже XIX–XX вв. одновременно возникает в рамках *различных* сообществ (первые публикации на эту тему принадлежали Шпигельбергу; на русском языке см.: [\[18, § 38-40\]](#), [\[16\]](#)), а также от того, что изменение облика феноменологии на протяжении, последних десятилетий меняется довольно радикально, то с исторической точки зрения в развитии феноменологии отчетливо различаются по крайней мере несколько этапов: 1) Содержательное развитие гуссерлевской феноменологии в 1904–1910 гг., сопровождающееся постепенным установлением социальных связей между исследователями, заинтересованными в этой проблематике. Лишь по окончании этого периода, причем не в последнюю очередь благодаря знакомству с трудами своих мюнхенских коллег, Гуссерль выходит на принципиально более широкий и богатый круг тем исследования; настойчивые поиски в этих областях убеждают его, что перед феноменологией можно (и должно) поставить значительно более масштабные задачи, нежели он предполагал ранее. Результаты не только его собственных исследований, но и складывающееся сообщество тех, кто в этой проблематике заинтересован, вскоре побуждает его почти полностью перейти на обозначение собственной исследовательской программы в философии как «феноменологии». 2) По завершении этого периода интенсифицируются (исходящие в первую очередь от Гуссерля) попытки «институционализации», оформления складывающегося сообщества; эти усилия приводят ко вполне конкретному и чрезвычайно важному итогу: создания совместного периодического издания, о котором более подробно речь впереди. 3) Однако одновременно с этим успехом, происходит и первый «раскол» в рядах только что организовавшегося сообщества (это было связано с тем, что в 1913 г. Гуссерль опубликовал произведение, в котором была предложена совершенно новая версия исследовательской программы (т.н. «трансцендентальная феноменология»), которая не была принята многими из сторонников феноменологии). 4) В 1910–1920-х гг. происходит использование и развитие как собственно гуссерлевских наработок, так и создание основ новых вариантов феноменологии (наиболее оригинальные варианты предложены Шелером и Хайдеггером). 5) К началу 20-х гг. феноменология становится признанным событием не только во внутригерманской академической среде, но также и за рубежом. Международная известность выразилась в невероятном количестве исследователей со всей Германии и всего мира, приезжавших, чтобы послушать лекции Гуссерля. Разнородность интересов этих людей, их

предшествующего образования и интересов заложили основы того, что впоследствии многие из них обозначали свою приверженность к «феноменологической программе» (Сартр, Мерло-Понти, Бинсвангер, Босс, Ландгребе, Ингарден и другие). «Феноменологии» это, конечно, добавило известности и популярности (ее «представители» обнаружались в самых разных областях гуманитарного знания).

В это время деятельность ведущих феноменологов (Гуссерля, Хайдеггера) ограничивается почти исключительно лекционной деятельностью и выездными докладами. Наиболее остро проблема стоит перед Хайдеггером (проблема получения кафедры) [18, § 66]. Но о публикациях задумывается и Гуссерль, хотя его позиции в академическом сообществе как никогда прочны. К концу 1925 г. он намеревается поместить в ближайший номер ежегодника несколько своих мелких текстов, однако Ф. Кауфман и О.Беккер отговаривают его от этого, справедливо считая, что после 13-летнего перерыва мастеру не подобает довольствоваться фрагментами, если уж публиковать, то нечто значительное [12, S. 149]. В те годы, помимо формальных текстов памяти А. Райнаха и Фр. Brentano [3],[4], выходят только переиздания работ Гуссерля – «Логических исследований» и «Идей», что-то новое он печатает как раз не в немецких, а в японских изданиях, очевидно, не очень известных в Германии. Для немецкой же научной общественности Гуссерль в 20-х гг. начинает готовить очередной систематический труд (позднее ими станут Картезианские медитации), в середине 20-х работа еще очень далека от своего завершения и, возможно, спустя несколько месяцев он решает поручить Хайдеггеру, только что презентовавшему ему свою рукопись «Бытия и времени», издание своих лекций по феноменологии сознания времени [9, S. XXIII-XXIV]. Завершенная работа Хайдеггера становится непосредственным поводом для такого предложения. Спустя два года лекции выходят, становясь наименее подготовленной из всех прижизненных публикаций Гуссерля. (Дело, конечно, не в том, насколько тщательно удалось Гуссерлю проработать проблему времени. Нет сомнения и в том, что проблема времени является одним из ключевых для решения самых разнообразных вопросов в феноменологической системе Гуссерля, и не важности для его прочих работ, а в том, что она оказывается наиболее «несамостоятельным» фрагментом из всего опубликованного. Она сама служит разъяснению некоторых положений гуссерлевских идей, упомянутых в книге первой лишь скороговоркой. С другой стороны, она – лишь подраздел *части* из обширного подготовительного цикла гуссерлевских работ в рамках проекта новообоснования метафизики.

«Философия как строгая наука» (1911), как изложение философской позиции Гуссерля, сделанное в достаточно традиционной форме журнальной статьи, предлагает самое общее видение философии, ее места в культуре и отношения к науке. Но существуют также и философские декларации, своего рода «манифесты» другого рода – они имеют организационный характер и представлены главным образом двумя Предисловиями, написанными Гуссерлем к первому и второму тому феноменологического ежегодника, который он начинает издавать с коллегами в 1913-м году. Первый из документов представляет собой краткий текст. Сегодня он включен в немецкое издание трудов Гуссерля, что довольно однозначно говорит о предположительном «главном» авторе текста. Важно, однако, что при первом издании текст остается без подписи, что позволяет воспринимать его как плод авторства коллективного. Этот небольшой текст столь любопытен в своей аргументационной структуре, что я позволю себе привести из него пространные выдержки. Открывается он пассажем, выполняющим, скорее всего, ту же самую функцию, что и тексты современных рекламных буклетов, привлекающих читателя к той или иной книге: «Интерес к феноменологии и феноменологически

фундированной философии за последние годы, несомненно, расширился. Количество исследователей, самостоятельно работающих в различных доступных феноменологии областях, быстро выросло. Все более ощущается необходимость в феноменологическом сущностном анализе и разъяснениях, причем не только в интересах подлинно философских проблем, но для основоположения частных наук. В связи с этим, в широких кругах становится заметной живая потребность в том, чтобы познакомиться особенностями феноменологического метода и масштабом его применения» [\[5, S. 63–64\]](#) / [\[13, S. V–VI\]](#).

Таков первый абзац этого Предисловия, и он уже дает нам повод для некоторых размышлений. Во-первых: что именно могло свидетельствовать в то время о «несомненно расширившемся» интересе к феноменологии? К 1913-му году феноменологические исследования все еще были представлены довольно небольшим кругом ученых, испытывающих, как мы видели, смутное сознание единства собственных устремлений, однако ни тогда, ни позже не достигших intersubъективной ясности относительно метода, который их «объединяет». Хронику судьбоносного для философии 1907 года мы могли бы дополнить упоминанием еще об одной вехе: основании «Геттингенского философского общества», членами которого становятся также и ученики Гуссерля, однако формальным его главой становится все-таки Теодор Конрад (он же выступил инициатором основания общества). Вплоть до 1913-го года у Гуссерля нет институциональной основы для его амбиций ни в форме «общества», ни в форме печатного органа.

Добавим также, что в 1913-м году Гуссерль еще не пользуется той славой, известностью и признанием, которые принес ему первый том «Идей к чистой феноменологии». Лишь в 1916-м г. (уже после выхода в свет второго тома Ежегодника) к Гуссерлю приходит первый институциональный успех: он наследует кафедру Генриха Риккерта во Фрайбурге, однако и это событие не было гарантированным. Практически до начала 20-х гг. феноменологии еще приходится утверждать себя в своем праве представлять наиболее современную философию в полемике с другими философиями того времени, в первую очередь – с неокантианством. В те годы для Гуссерля, только еще начинавшего собирать феноменологическое движение вокруг себя, было крайне важно присутствие в редакционном совете также и представителей «мюнхенской школы». Не менее важным было для Гуссерля иметь такого соиздателя как Макс Шелер, который находил крайне удачные возможности популяризации феноменологических идей во внефеноменологической среде. Во многом именно Шелер планирует стратегию «презентации» ежегодника философской общественности Германии. 12 марта 1913 г. он предлагает рецензента «от школы Дильтея» – ее публикация намечается в «Логосе», одном из самых влиятельных философских журналов того времени, от учеников О. Кюльпе, от В. Вундта, планирует заинтересовать Н. Гартмана от марбургцев (считая, что П. Наторп далек от верного понимания принципов зарождающегося феноменологического движения и т.д.), рассчитывает на Зиммеля. «Очень важно, – считает Шелер, – попытаться повлиять на то, кому попадет в руки Ежегодник для основных рецензий. Желательно наилучшее понимание. Важно как раз потому, что наш стиль *очень и очень* чужд по сути всем, кто сегодня в Германии философствует» [\[6, S. 217\]](#).

Однако первые трения возникают как раз на почве совместной работы над *Ежегодником*. Мировая война внесла серьезные поправки не только в повседневный быт, но и в академические планы ученых, в том числе переориентировав внимание издателей с фундаментальных работ на актуальную литературу. После начала широкомасштабных

военных действий прошло всего два месяца, но Гуссерль не желает откладывать подготовку очередного номера издания. «Предполагаю, Вы не отослали рукопись издателю, – пишет он Шелеру, – рассчитывая, что прервемся на время войны. Но правильнее продолжать с ним, чтобы к концу боевых действий он сразу же мог быть напечатан – это соответствует и интересам издателя, находящегося сейчас во Франции...» (В письме от 1 ноября 1914 г. Ср.: [\[6, S. 223\]](#)). – Шелер надеется выполнить пожелание Гуссерля еще до окончания года, но в первых числах января наступившего говорит о новой отсрочке, объясняя ее в том числе другими более срочными делами. «То, что в данной ситуации мне пришлось сосредоточиться в первую очередь на моей книге о войне («Гений войны и немецкая война», 1915. – И.М.) – Вы, надеюсь, поймете». Нет, Гуссерль, вряд ли понял, как можно предпочесть актуально-политическую проблематику фундаментально-феноменологической. А по некоторым другим документам эпистолярного жанра заметно, что его крайне раздражают плодовитые авторы (У Гуссерля проглядывает явное чувство недовольства «многопубликующимися» коллегами («...каждый год – новая “книга”») [\[7, S. 22\]](#). – В то время среди коллег Гуссерля лишь один Шелер подходил под эту характеристику.) В следующие месяцы он отправлял Шелеру еще несколько писем, но они, судя по всему, не дошли. Очевидно, тон последнего из дошедших был столь накален, что Шелеру приходится вдаваться в более пространные объяснения: «Если Вы полагаете, что сохранение отношений с Вами и связей с Ежегодником как предприятием мне не так важно, как прежде, то заблуждаетесь совершенно. Мне *совершенно* непонятно, как Вы могли прийти к такому заключению – и это после столь долгого верного сотрудничества! Если я до сих пор и не закончил своего материала для Ежегодника, то для этого имелось несколько причин. Много времени пришлось потратить на военные дела. Я записался добровольцем в батальон противовоздушной обороны Кёльна и готовился вступить в его ряды к середине июня. Но затем из-за своего астигматизма правого глаза, не выправляемого линзами, меня не взяли; теперь я записан в полевую артиллерию и все еще ожидаю призыва. Вторых, моя книга о войне, на которую я ежедневно получаю множество писем, рецензий, полемических откликов, против моей воли слишком сильно втянула меня в эту величайшую из всех наших бед – что, впрочем, понятно. При этом у меня бывали хорошие возможности быть полезным нашему делу, особенно по отношению к зарубежью и я не мог их упустить <...>» ([\[6, S. 225-226\]](#), письмо от 9 июля 1915 г.) Ввиду нарастающей напряженности необходимо помнить, что все эти годы Шелер фактически находился под запретом на преподавание. И потому дипломатическая деятельность, а также общественно-публицистические работы были для него в то время значительно более важны, чем для кого-либо другого. Как бы то ни было, выход второго тома Ежегодника затягивается еще на год, а вместе с этим все более напряженными становятся взаимоотношения Шелера и Гуссерля. Как можно судить по переписке, некоторая разрядка намечается только к весне 1916 г. (ср. письма Шелера Гуссерлю от 14 января 1916 г. и 8 марта 1916 г.) Однако в целом Шелер выступает в качестве важного союзника Гуссерля, причем не только в рамках организационной деятельности по Ежегоднику, но также и в своих общих публикациях по проблемам феноменологии. Наиболее яркий тому пример статья «Феноменология и теория познания» (1913–1914). Однако уже в те годы в набросках и публикациях Шелера отчетливо обозначается и критика феноменологии.

Продолжим анализ первого организационного манифеста феноменологии. Постулировав возросший интерес к феноменологии, издатели Ежегодника переходят к собственно легитимации журнала как нового выразителя этих интересов. «Удовлетворить эти живые потребности и должен новый журнал. Он должен объединить в совместной работе

прежде всего тех, кто связывает с чистой и строгой реализацией феноменологического метода принципиальное преобразование философии. Это должно произойти на путях надежно фундированной, поступательно развивающейся науки <...> журнал должен стать местом возможного объединения всех усилий прикладной феноменологии и философии» [5, S. 63]. Таковы первые два смысловых блока Предисловия. Пути «надежно фундированной, поступательно развивающейся науки» пока не говорят ни о каком особом новаторстве новой философии, ради которой затевается печатное издание. Предисловие завершает, потому, часть, в которой издатели все-таки высказываются относительно объединяющего их «метода»: «Издателей объединяет не школьная система, которая бы навязывалась всем будущим авторам журнала. Их роднит, скорее, общее убеждение: лишь посредством возврата к изначальным источникам созерцания и к проистекающим из них сущностным воззрениям могут быть верно оценены понятия и проблемы великих традиций философии, лишь на этом пути могут быть интуитивно прояснены понятия, лишь на интуитивно [ясных] основах заново поставлены, а затем и разрешены проблемы. Издателей объединяет убеждение, что феноменология представляет собой безграничное поле строго научных и в высшей степени продуктивных исследований, которые должны оказаться плодотворными не только для самой философии, но и для всех остальных наук – во всех случаях, когда в них ставятся принципиальные вопросы». «Таким образом, – продолжают издатели, – наш журнал будет не трибуной расплывчатых реформаторских идей, но местом серьезной научной работы» [5, S. 63–64] / [13, S. V–VI].

Мы видим, что, если отвлечься от трудноопределимых и расплывчатых «изначальных источников созерцаний», представление о будущей философии довольно туманно. Однако издатели уже верят, что результаты «в высшей степени продуктивных исследований» окажутся плодотворными «не только для философии», но и «для всех остальных наук». Здесь нам вновь придется вспомнить заключительные слова ректорской речи Карла Штумпфа, в 80-90-х – философского наставника Гуссерля: «*Необходимо создать мир идей, равным образом объемлющий науки о природе и науки о духе, который предметной (sachlicher) силой убеждения подчинил бы широчайшие круги исследователей, а через них наполнил бы новым цветением жизни образованное человечество*» [15; Курсивы мои. – И.М.). Предисловие к первому номеру феноменологического Ежегодника фактически заявляет именно о создании этого нового мира идей, «нового консолидированного мировоззрения», появление которого предрекал Штумпф. Правда, о подчинении речь пока не идет – эта метафорика вполне проявится в трудах и письмах Гуссерля лишь в 20-х гг. Интенсивность работы Гуссерля над основаниями своей трансцендентальной феноменологии будет только возрастать, ведь он прекрасно помнит предостережение Штумпфа: «чем далее продвигаются науки, тем более сложным становится сведение воедино наиболее общих результатов исследований». Спешка, ввванная осознанием все более расплывающегося в своем «единстве» мира знания, проявится и в настойчивости, с какой Гуссерль будет реализовывать свой проект региональных онтологий, а также в том, как проблематика наук и университета будет поставлена в философии Хайдеггера. Анализ первых документов, в которых происходит формирование программы феноменологии как направления коллективных исследований завершим анализом второго Предисловия, предваряющего второй номер феноменологического Ежегодника. От предисловия 1913 г. оно отличается в первую очередь большей краткостью, а также тем, что подписано оно на этот раз одним только Гуссерлем. (Первый Ежегодник представляли пять «издателей»: Гуссерль, Райнах, Гайгер, Пфендер и Шелер. Однако Райнах погибает на полях Мировой войны, а Шелер один за другим пропускает все сроки сдачи собственных материалов, не говоря уже о том, что в 1914–15 гг. работа над Ежегодником отходит у него на второй план, выпеснясь общественно-публицистической тематикой; очевидно, все это становится для Гуссерля поводом к реорганизации редакционной коллегии. Впоследствии на Ежегодниках будет указываться уже только Гуссерль в качестве собственного издателя. Участие других феноменологов будет

[обозначено расплывчатой формулировкой «In Gemeinschaft mit» \[т.е.: «при сотрудничестве с...», «при участии...»\]](#)).

Пытаясь разъяснить значение специализированного философского издания, появляющегося в обстановке военного времени, Гуссерль пишет: «Сколь бы ни были велики духовные силы, которые связывает и, к сожалению, уничтожает эта война, по-настоящему прервать немецкую духовную жизнь она не сможет. Как и прежде она одухотворена унаследованной любовью к вечным ценностям культуры, по-прежнему она честно трудится над своими великими задачами. Не бездействовала и наша феноменологическая философия, искренний интерес научных кругов сохранился и к ней» [\[5, S. 65\]](#). Мотив любви к «вечным ценностям культуры», сходный с неокантианской программой, но не чуждый и позитивистки ориентированным представлениям о философии есть центральная идея и этого предварения к феноменологическим работам. Однако это предисловие впервые намекает на некоторое напряжение, уже обозначившееся к тому времени в «феноменологическом сообществе». «Работы нового Ежегодника, как и работы первого тома, отличаются не только своими темами, но заметно нюансированными концепциями, к которым авторы пришли относительно целей, методов и некоторых частных вопросов феноменологического исследования. Излишне говорить, что издатель берет на себя ответственность лишь за свои собственные работы, как [впрочем] и любой из авторов. Указать на это, однако, необходимо ввиду уже имевших место недоразумений» [\[13\]](#).

Здесь не лишне разъяснить, что именно могло стоять за угадывающимся недовольством Гуссерля. Дело в том, что самой заметной (обширной по объему предоставленного листажа и философски «концептуальной» публикацией стала основная часть «Формализма в этике и материальной этики ценностей» М. Шелера. Уже первые три части «Формализма», опубликованные в 1913 г., могли дать Гуссерлю понять, насколько малосовместимым с его собственной трансцендентальной феноменологией был философский проект Шелера. Теперь же, в 1916 г., продолжение «Формализма» совершенно отчетливо содержит критику и той позиции в философии, которую занимает сам Гуссерль. Наиболее очевидно это в IV-м разделе «Формализма», где Шелер разбирает философские основы, на которых покоится категорический императив Канта. Позиция Шелера не просто «заметно нюансирована» – она грозит подорвать основы, на которых пытается строить феноменологию Гуссерль.

Однако сколь бы ни были велики разногласия, «единство» – прежде всего! Вовне, всему остальному научному и философскому сообществу, корпорация феноменологов должна демонстрировать монолитное единство своих рядов: «Вне всякого сомнения, общность «феноменологов» оттого не становится меньше – скорее, она даже более велика, чем в каких-либо других исследовательских сообществах, например, среди экспериментальных психологов» [\[5, S. 63-64\]](#). Ежегодник, как организационный проект, должен укрепить единство феноменологов, по крайней мере – «подтвердить» его для научного сообщества. Однако в целом ряде случаев он становится как раз камнем преткновения, только лишь обнажая скрытые до того непримиримые философские различия. Публикация каждой из работ основных организаторов этого журнала лишь усиливает разделение. Так происходит и с работами Шелера. «Формализм в этике» – уже вторая из работ Шелера, мнение о которой автор тщетно желает услышать от Гуссерля-феноменолога: «...теперь, после публикации моего материала в Ежегоднике очень хотелось бы знать, насколько близок или далек от Вас мой способ заниматься феноменологией, особенно интересно, стал ли он Вам ближе, чем ранее или наоборот»

(письмо Гуссерлю от 12 марта 1913 г. [6, S. 218]). Ответа на этот вопрос Шелер никогда не получит.

Как бы то ни было, однажды возникнув, эта организационная форма тут же становится предметом споров и *распределения*. Если журнал есть форма кристаллизации традиции, очень многое начинает зависеть от того, кто и в какой пропорции ее будет представлять. Научная активность практически всех феноменологов того времени сосредоточена почти исключительно на лекциях. Какое воздействие они окажут на слушателей спустя годы – предсказать не берется никто. Об этом мы можем судить сегодня по невероятному разнообразию самых противоречивых и порой довольно вольных интерпретаций услышанного. Все эти годы совместные публикации в гуссерлевском Ежегоднике становятся едва ли не тем единственным, что связывает феноменологическое сообщество того времени. Феномен этого издания следует определить так: происходит постепенно *печатное*, *публикационное* оформление феноменологического движения – это при том, что, как мы уже упоминали, – между подходами авторов крайне трудно обнаружить отчетливые совпадения в методологии и проблематике исследований. Публикации служат славе (известности), популяризации феноменологии, впрочем, без того, чтобы ее тенденция становилась понятной для читательской аудитории, а потому превращаются в «мину замедленного действия».

Итак, в 1910-х – начале 20-х гг. представители немецкой «феноменологии», казалось, довольствовались аморфной структурированностью кружков и «сообщества». В основном, они были объединены вокруг деятельности «Ежегодника по философии и феноменологическим исследованиям» (1913–30), попытки же выработать универсальную, единую программу закончились неудачей. Примерами могут служить сотрудничество Гуссерля и Хайдеггера над окончательными версиями статьи «Феноменология» для Британской энциклопедии. Подобная программа не предложена до сих пор, ее появление вряд ли возможно в обозримом будущем. С тех пор принципиальное различие этих вариантов «феноменологии» – постоянная тема дискуссий. Поиски универсальных оснований, которые могли бы позволить увидеть талантливых мыслителей начала XX в. как именно феноменологов, редко оказываются удачными, поскольку историки чаще пытаются свести проблематику одних к основным идеям, словарю и терминологии других.

В период с 1913 по 1930 гг. мы не найдем явного пересечения в методах, которыми пользуются авторы Ежегодника, зато обнаружим достаточно отчетливые сходства в *стилистике* исследований. Бросается в глаза одна очевидная черта, несколько отличающая публикации Ежегодника от аналогичных, скажем, в неокантианском «Логосе» и других журналах. Если неокантианцы и привлекаемые ими авторы *на традиционном языке* философии пишут о *традиционных* проблемах, то «феноменологи» обращаются к совершенно иной проблематике, ставят вопросы – иначе, даже если и сама тема звучит традиционно. Я бы назвал это поиском истоков категориальности разных областей знания. То, где это ищется, можно пока обозначить термином 'субъективность'. В этике: Шелер (1913, 1916); Гильдебранд (1922. Bd. 3; 1922); в логике: Пфендер (1921) и сам Гуссерль (1929); в психологии: Штайн (1922); в сфере социальности: Г. Вальтер (1923), в математике и геометрии: Беккер (1923, 1927), Г. Липпс (1923), А. Койре (1922); в государстве и праве: А. Райнах (1913), Э. Штайн (1925), Г. Гуссерль (1929); литературе и искусстве: Клаусс (1929), Кауфман (1929), Финк (1930), М. Гайгер (1922 Bd. 3). Те же публикации, которые имеют, как кажется, только лишь историко-философский характер, – например, Манке (1925), Кауфман (1928), Лангребе (1928), – на самом деле должны были наладить связи феноменологии с

гуманитарными науками («науками о духе», – в терминологии того времени), или же создать для феноменологии «историческое измерение» – показать, обнаружить присутствие феноменологических тенденций в философии до Гуссерля (Ингарден (1922), Штайн (1929)). Эта роль отводилась также и М.Хайдеггеру как автору ежегодника. Гуссерль неоднократно говорил о нем, как об «ученике Дильтея». Сам Гуссерль, как редактор и составитель Ежегодника, вполне осознанно считал это одной из важнейших задач своего издания и, по мнению исследователей, когда возможно, старался соответственно комплектовать материалы выпусков, например, помещая Беккера и Хайдеггера в восьмой выпуск. Работе Беккера надлежало демонстрировать успехи феноменологии в «точных» науках, Хайдеггеру же – в области «наук о духе». «Феноменология может все!» – так, пожалуй, можно передать умонастроение того неопределенного сообщества. Гуссерль постоянно апеллирует к идее сообщества феноменологической философии, а также к тематическому разнообразию охватываемых этой новой философией тем: логика и формальная онтология, психология, этика, эстетика, философия математики и религии; философия права и даже социология. И то и другое, «сообщество» и «тематический охват» становится для него практическим аргументом (обращенным к современникам), подкрепляющим умозрительные идеи о возможностях новой универсальной науки (ср. [\[8, S. 255\]](#)). Помимо убеждения Гуссерля, что феноменология должна стать основой системы всего знания, всех наук, здесь присутствовало также и убеждение, что философия (феноменология) может и должна дать ответ на духовные нужды времени.

Таким образом, феноменология стремится, с одной стороны, охватить собой все области знания (тем самым косвенно подчеркивая собственную исключительность) и, с другой стороны, имеет тенденцию к демонстрации своей укорененности в традиции. Последняя из задач отчасти определяется общефилософскими закономерностями становления любой философской школы (как только она возникает, встает задача показать «тенденции» к ней в предшествующей историко-философской традиции; занимаются этим, как правило, «ученики»). Ни одну из этих двух тенденций нельзя назвать второстепенной. Примерами значимости для Гуссерля служат уже давно вошедшие в феноменологический фольклор истории о том, как Гуссерль, математик в душе и по научному образованию, открывал для себя историю философских идей. Знакомясь с идеями Бергсона, он воодушевленно заявляет «мы – истинные бергсонианцы» [\[14\]](#), почитав же работы позитивистов, столь же уверенно отождествляет себя и с ними. Вообще, загадка этих тотальных отождествлений объясняется, отчасти, также и теми задачами, которые ставила перед собой феноменология не только как социальный проект, но еще и философское движение. Уже к моменту публикации первой книги «Идей» Гуссерль вполне мог бы столь же решительно признаться и в интеллектуальной близости с Кантом, а позднее и вообще со всей традицией немецкого идеализма, однако говорить об этих параллелях значительно менее удобно, ведь монополия на интерпретацию идей Канта, скорее, все еще у неокантианцев, не только активно публикующихся, но имеющих собственные печатные органы – Kant Studien и дополнительно отчасти два национально-параллельных периодических издания: Logos. / Логос. (Москва) 1911. Дистанцию необходимо сохранять также и ввиду общности многих интенций неокантианских школ и феноменологического движения. У Гуссерля такими постоянно повторяющимися темами можно считать все новые и новые определения того, чем должна быть феноменология [\[17\]](#), у Хайдеггера давление методологической части было подробно показано в: [\[18\]](#)).

Понять эту восторженность отождествлений можно только осознав, что философский

проект *того* масштаба, каким замышлялась феноменология в первые десятилетия XX в. просто требовал собственного обоснования, причем не только методологического, составляющего значительную долю в трудах Гуссерля и Хайдеггера, но и исторического, находя аналоги в прежних философских системах. Феноменология становится наибольшей проблемой для себя самой *именно потому*, что она предлагает претенциозный проект новообоснования знания. Итак, обе тенденции – демонстрация собственной исключительности и универсальности с одной стороны и укорененности в традиции с другой – взаимно обусловлены. Когда первая (не без помощи второй) утвердилась, т.е. феноменология вполне утвердила себя (организационно) как универсальная наука, второе как бы «стирается из памяти», количество историко-философских отсылок в трудах главных феноменологов заметно сокращается.

Однако если внешняя «презентация» проекта посредством публикаций в Ежегоднике – хотя бы чисто внешне – и удастся, то уже в первые выпуски запряжаны мощные заряды, свидетельствующие совсем не о том, что некое – «феноменологическое» – движение существует, а о том, что некоторое сообщество исследователей начинает вести острую полемику по поводу того, какой быть феноменологии («Формализм» М. Шелера). То, что одна часть сообщества этой полемики предпочитает не замечать, принадлежит, видимо, исторической фактичности «движения». Его система постепенно выстраивается таким образом, что для нее, как кажется, совершенно неважны не только расхождения в исходном понимании природы философии, но также и разногласия ее «членов» по наиболее принципиальным вопросам (так, например, Фр. Brentano регулярно записывают в число «основателей феноменологии», невзирая на принципиальные расхождения между ним и Гуссерлем по вопросу о психологизме. О мнении Brentano на этот счет см. [\[2, S. 225–226\]](#)).

1928–29 гг. отмечены крайней насыщенностью событий, каждое из которых является вехой. Умирает Макс Шелер (1928), наконец выходят лекции Гуссерля по феноменологии сознания времени (1928), через год выходит в свет вторая по важности работа Гуссерля (из прижизненно опубликованных) – «Формальная и трансцендентальная логика»; Гуссерль окончательно убеждается в принципиальных расхождениях между ним и Хайдеггером, между тем «Бытие и время» уже получает признание. Существенно меняются позиции участников «феноменологического движения». Если раньше Гуссерль еще довольствовался пониманием сообщества феноменологов как гибкого «объединения» или «круга», – оно было необходимо ему *до* того этапа, когда феноменология приобрела известность – то с возрастом он все более склонен идентифицировать феноменологию со *своей собственной* ее версией. Тому сопутствует персонификация феноменологии (все более частые оценки типа «Феноменология – это я и ...») [ср. 11, р. 9], а также ригоризм настаивания на этой собственной версии. Этот период заканчивается к началу 30-х гг., когда Гуссерль решительно отмежевывается от многих своих прежних союзников (в первую очередь, Шелера и Хайдеггера) и сосредоточивается на более глубокой проработке своей трансцендентальной феноменологии. Две важные вехи этого движения – прекращение издания «Ежегодника» (1930) и публичное осуждение «нефеноменологических» перекосов, в докладе «Феноменология и антропология» (1931). После 1933 г. феноменологическое сообщество распадается также и ввиду политической ситуации в Германии того времени: значительная часть учившихся у Гуссерля и Хайдеггера вынуждена покинуть Германию, спасаясь от режима национал-социалистов. Впрочем, 1933 г. подводит итог и многим другим философским школам Германии и Европы того времени. К этому же времени для многих современников становится очевидным разрыв между притязаниями феноменологии и тем, что она сумела о себе рассказать. Когда это осознается и

главным представителем феноменологии (Гуссерлем), разочарование жестоко.

Мы говорили только о том распаде сообщества, который стал очевиден не только самому Гуссерлю, но и всем современникам за пределами «феноменологического круга». То, что интеллектуальное сообщество разрушилось значительно ранее, было ясно уже многим «феноменологам». По мере того, как Гуссерль теряет поддержку внутри страны – он все активнее формирует круг доверенных лиц за ее пределами – круг тех, кому «можно доверять», «кого можно слушать». Чьи разъяснения того, что такое феноменология, следует воспринимать также и как его, гуссерлевские. В Америке одним из первых таких доверенных лиц становится Д. Кэрнс. [7, p. 50]. Эта стратегия окажется довольно удачной для последующей судьбы феноменологии. Ведь именно через американскую философию на европейский континент будут возвращаться ориентиры, определяющие, что является актуальным в философии и какая будет мода на новые философские течения.

Библиография

1. Шелер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994.
2. Brentano Fr. Die Abkehr vom Nichtrealen. Bern; München: Franke Verl., 1966.
3. Husserl E. Adolf Reinach. Ein Nachruf // Kantstudien. 1918. Bd. 23. S. 147–149.
4. Husserl E. Erinnerungen an Franz Brentano // Franz Brentano. Zur Kenntnis seines Lebens und seiner Lehre. München: C.H. Beck, 1919. S. 153–167.
5. Husserl E. Aufsätze und Vorträge (1911–1921) // Husserliana. Bd. XXV. Dordrecht, 1986.
6. Husserl E. Briefwechsel // Husserliana. Dokumente. Dordrecht. 1994. Bd. III/2: Die Münchener Phänomenologen.
7. Husserl E. Briefwechsel // Husserliana. Dokumente. Dordrecht. 1994. Bd. III/4.
8. Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925 / Hg. v. W. Biemel // Husserliana. Bd. IX. Den Haag, 1962.
9. Husserl E. Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins (1893–1917) / Hg. v. R. Boehm // Husserliana. Bd. X. Den Haag, 1966.
10. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Halle a.d.S., 1916.
11. Cairns D. Conversation with Husserl and Fink. Den Haag, 1976.
12. Ingarden R. Erinnerungen an Edmund Husserl. Den Haag, 1968.
13. Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1913. Bd. 1.
14. Spiegelberg H. The Phenomenological Movement. A Historical Introduction. Vol.1–2. Den Haag, 3d Ed. 1982.
15. Stumpf C. Reden und Vorträge. Leipzig, 1910.
16. Куренной В.А. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. 1999. № 11–12. С. 156–182.
17. Куренной В.А. (2006). Философский проект «Логоса»: немецкий и русский контекст // Логос в истории европейской философии: проект и памятник. Сб. материалов под ред. Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 13–72.
18. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер. М., 1999.